

**СОВМЕСТНЫЕ БРАЧНЫЕ ПРАКТИКИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ
УКРАИНСКОГО НАРОДОЛЮБИЯ И РОССИЙСКОГО
НАРОДНИЧЕСТВА (ЧЕТА КОВАЛЕВСКИХ)**

Никитенко Анастасия Игоревна

преподаватель

Днепропетровской медицинской академии,

Украина, г. Днепропетровск

E-mail: dnepryanka@yandex.ua

**MARRIAGE PRACTICES OF REPRESENTATIVES OF RUSSIAN AND
UKRAINIAN NARODNIKS (COUPLE OF KOVALEVSKI)**

Anastasia Nikitenko

teacher Dnepropetrovsk Medical Academy,

Ukraine, Dnepropetrovsk

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена опыту совместных брачных практик между представителями украинского и российского народничества. Автор анализирует такие браки на примере четы Ковалевских, привлекая опубликованные и архивные источники, в том числе — малоизвестные письма из архива семьи.

ABSTRACT

The article is devoted to the experience of joint marital practices between the representatives of the Ukrainian and Russian narodniks. The author analyzes the example of such marriages as couple of Kovalevsky, using published and archival sources, including — a little-known letters from family archives.

Ключевые слова: народолюбцы; народники; брачные отношения; Ковалевские.

Keywords: narodolyubtsy; populists; marriage; Kovalevsky.

М. Старицкий в рассказе «Зарница», который посвященным событиям 1870-х гг., рассматривает взаимоотношения супружеской четы — народника Васюка и Гали, идеологически принадлежащей украинскому народолюбию. Этот опыт брачного общежития оказался неудачным — отношения распались,

главным образом потому, что молодые люди переживали острый мировоззренческий конфликт, делающий супружество обоюдно невыносимым. Автора рассказа занимали отношения между приверженцами этих двух течений в пространстве частной жизни, семейных отношениях [14, с. 315].

Таким образом, в данном литературном произведении поднималась проблема, небезынтересная для современного исследователя семейно-родственных отношений, повседневной жизни, идеологических убеждений интеллигенции Российской империи второй половины XIX века. Ее можно сформулировать как супружество представителей разнящихся народнических мировоззрений. В интересующем нас случае — это брак между российскими и украинскими народниками, участниками движений, имеющих одновременно и общие черты и существенные отличия.

Научное изучение проблемы имеет достаточно противоречивый характер. В украинской, российской, западной историографии фактически не освещаются такие брачные союзы, упоминания о них мимолетны и не становились предметом специального анализа [1, с. 220—222]. С другой стороны, в трудах российских и зарубежных историков накоплен довольно большой опыт анализа взглядов на супружество, нравственные убеждения, сексуальное поведение, повседневные практики народников, в частности — женщин [12; 13]. Такие исследования базируются, в первую очередь, на мемуарной литературе, письмах, дневниках участниц и участников народнического движения, публицистике, беллетристике. В то же время, в личных источниках созданных народниками, немного упоминаний о смешанных браках которые, вне всякого сомнения, имели место быть [2; 11].

Один из таких супружеских союзов — брак между М.П. Воронцовой и Н.В. Ковалевским, видным украинофилом, близким приятелем М.П. Драгоманова. Мария Павловна больше известна как подруга революционного деятеля В.К. Дебагория-Мокриевича, осужденная за вооруженное сопротивление в Киеве 1879-го г., жертва «Карийской трагедии». Это то, что мы знаем о ней из воспоминаний ее соратников, товарищей,

политических ссыльных. Существенное дополнение привносят нарративы, принадлежащие кругу общения ее мужа — украинским народолюбцам.

Но наиболее ценным и информативным комплексом источников является архив Н.В. Ковалевского, который находится в фонде № 88 Отдела рукописи Института рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. Небольшой фонд включает в себя семейную переписку Ковалевских, а так же прошение на имя министра внутренних дел, составленное сестрой Николая Васильевича [5—10]. Рассмотрение неопубликованных писем позволяет восстановить отдельные моменты их супружеских взаимоотношений, о которых не ведется речь в воспоминаниях современников. Таким образом, цель данной статьи — попытаться рассмотреть брак между представителями российского народничества и украинского народолюбия. Это важно как и в контексте истории семейных отношений демократично настроенной интеллигенции второй половины XIX века, так и ввиду дополнения к биографии М.В. Ковалевской.

Точная дата, когда дворянин Полтавской губернии Н.В. Ковалевский и дворянка Екатеринославской губернии М.П. Воронцова сочетались браком, неизвестна. Если сведения Г.Ф. Осмоловского верны, то это, очевидно 1867 г. Тот же Григорий Федорович вспоминал, что девушка, рано лишилась матери, воспитывалась в отдалении от дома в Одесском институте вместе с сестрой. Это сказалось на формировании ее характера и обусловило ранний брак [11, с. 53]. По словам современника, Марии на момент венчания едва исполнилось 18 лет. Ее муж, Николай Васильевич, был старше на 8 лет, окончил Киевский университет, потом «Высшие педагогические курсы» в Санкт-Петербурге. На момент вступления в брак он проживал в Киеве и преподавал в Кадетском корпусе, позже — в Курской гимназии [4, л. 1].

Следует отметить, что на Марию Павловну большое нравственное и идеологическое влияние имел ее родной брат, Василий Павлович Воронцов. В юности он увлекся идеями социального равенства, что привело молодого

человека в российскую революционную среду, куда позже последовали за ним сестры [4, л. 2].

Николай Васильевич прожил со своей женой совместно меньше десяти лет. Про их общую жизнь известно немного. Г.Ф. Осмоловский утверждал, что в этом браке было трое детей, из которых выжила лишь одна девочка, ее мемуарист ошибочно называет «Анна Николаевна» [11, с. 53]. На самом деле, дочь Ковалевских звали Галина. В других воспоминаниях, а так же в эпистолярном комплексе семьи, сведений об умерших в младенчестве или раннем детстве отпрысках не встречается. В одном из писем к родной сестре, Надежде Васильевне Филиппович, брат умолял ее взять к себе младенца, рожденного вне брака сестрой жены. В то время она содержалась в Санкт-Петербурге под стражей за участие в «деле 193-х». Ребенок родился слабым и быстро угасал. Очевидно, Н.В. Филиппович не имела возможности исполнить просьбу брата и дитя умерло. Таким образом, есть основания предположить, что Григорий Федорович ошибался [8, л. 2].

Вследствие нехватки фактического материала, отношения между супругами в период их совместного проживания восстановить сложно. Мемуаристы круга общения Николая Васильевича отмечали, что и муж и жена были разочарованы друг в друге [3, л. 9]. Мария Павловна стремилась к народнической деятельности, к своим единомышленникам. Обыск, проведенный у них дома после ареста Лидии Павловны, не только не испугал молодую женщину, но наоборот укрепил ее уверенность в своем политическом выборе [11, с. 53]. Во время пребывания в Киеве, М.П. Ковалевская начала общаться с представителями российских революционных кругов, которые не отвергали террористических методов борьбы [2, с. 376].

В то же время, ее муж с отрочества находился под влиянием М.П. Драгоманова и был последовательным симпатиком украинского народолюбия, членом Киевской и Одесской громад. Известная поэтесса Леся Украинка писала в своих воспоминаниях, что Николай Васильевич скептически относился к насилию и террору, популярных в среде народничества. Таким

образом, между мужем и женой оформились существенные идеологические разногласия [4, л. 3]. Деятельность Марии Павловны негативно влияла на карьеру супруга. Его уволили из нескольких учебных заведений. Она привлекла внимание полиции. Полковник Банин, характеризуя ее, писал: «Она... относится к тем передовым вашим женщинам, которые видят цель своего призвания не в собственной семейной жизни, а в революционной деятельности среди народа» [1, с. 200].

По мере того, как женщина все более углублялась в идеалы народничества, совместная жизнь становилась невозможной. Этому способствовало увлечение В.К. Дебагорием-Мокриевичем, к которому она ушла от венчаного мужа предположительно в середине 1870-х гг. Следует отметить, что Владимир Карпович в своих пространных воспоминаниях говорил о Марии Павловне всего лишь несколько раз, не касаясь их отношений, сухо именовал ее по фамилии — «Ковалевская» [2, с. 376—378]. Об их длительном романе известно из сведений современников, украинских народолюбцев. Часть мемуаристов, особенно И.П. Житецкий осудили этот поступок жены и матери. Малолетняя дочь Галя воспитывалась отцом и проживала с ним [3, л. 9].

Знакомая с Николаем Васильевичем М. Гринченко утверждала, что он спокойно воспринял поступок жены и сохранил с ней добрые приятельские отношения. В то же время она отметила, что супружеская жизнь не удалась, называя главной причиной деятельность Марии Павловны [4, л. 3].

Бывшие супруги не прерывали общения. Муж не запретил фактически бывшей жене общаться с дочерью, даже водил ее к ней на свидание в тюрьму, перед отправлением на этап. Это имело место быть в 1879 г., когда Марию Павловну вместе с рядом других народников арестовали за революционную деятельность. При задержании группа народников оказала вооруженное сопротивление. Именно последнее обстоятельство негативно повлияло на срок приговора. Молодую женщину 29-ти лет приговорили к каторге на 14,5 лет [11, с. 53]. Вскоре, во время «тотлебенновской реакции» в Одессе, когда под следствие и в тюрьму попало много представителей украинской и российской

интеллигенции. Арестовали и Николая Васильевича. Его обвинили во многом из-за неблагонадежности М.П. Ковалевской и приговорили к административной ссылке, которую он отбывал в Минусинске [1, с. 200].

Находясь в незавидном положении ссыльного, расстроив свое здоровье, Н.В. Ковалевский пытался оказать помощь бывшей жене. Это выразилось в постоянной денежной поддержке с его стороны, что предоставлялось через посредничество сестры Н.В. Филиппович. В письмах к ней Николай Васильевич часто высказывал просьбы о переводе средств, для оказания вспомоществования Марии Павловне, что имело регулярный характер. По его настоянию бывшей жене был отправлен фотопортрет дочери. В архиве семьи Ковалевских автором статьи обнаружено два письма М.П. Ковалевской, адресованных сестре мужа и дочери Гале [5; 6]. Еще одно написано и отправлено по ее просьбе некой Агатой Мосговой (женщины Карийской каторги устроили акцию протеста и отказались, в том числе от прямого эпистолярного общения с родными) [7, л. 2].

Голодовки и протесты политических ссыльных, тяжелые условия содержания пагубно отразились на физическом и психическом состоянии женщины. В начале 1880-х гг. товарищи начали замечать у нее признаки душевного заболевания. Е.Н. Ковальская отмечала, что у Марии Павловны были приступы безумия, которые со временем становились все чаще и чаще, сменявшееся полной телесной слабостью. Вероятно, об одном из этих приступов она писала золовке, умоляя не посвящать дочку в подробности ее заболевания [11, с. 41].

Ее письма свидетельствуют о том, что женщина сохранила приятельские, добрые отношения с Николаем Васильевичем, который как мог, старался облегчить ее участь. В 1882 г. ему даже удалось добиться ее перевода в больницу Минусинска, где находился в ссылке сам Н. Ковалевский [8, л. 2]. Это давало им возможность общаться практически каждый день чему, по своим словам, Мария Павловна была очень рада [5, л. 1]. Через определенное время ее снова отправили в Кару, где ее состояние неукоснительно ухудшалось.

Н.В. Ковалевського же освободили в том же 1882 г. [10, л. 1]. Он возвратился в Києве и стал заниматься воспитанием дочки, зарабатывая на жизнь частными лекциями, так как на государственной службе состоять не имел права [4, л. 3].

Подводя итоги, следует сказать, что М.П. Ковалевская погибла во время протеста политических заключенных против телесных наказаний. С группой женщин она приняла яд и скончалась в больнице, отказавшись от приема противоядия. Это событие 1888 г. известно как «Карийская трагедия» и достаточно полно освещено мемуаристами [11, с. 30]. Трагическая кончина матери повлекла за собой смерть Галины, в то время уже замужней женщины. По свидетельствам современников, узнав о происшествии на Карийской каторге, она бросилась под поезд [4, л. 3].

Таким образом, опыт супружества между представителями украинского народолюбия и российского народничества, рассмотренного на примере четы Ковалевских нельзя назвать удачным в традиционном понимании. Неудавшийся брак и идеологические расхождения не помешали бывшим супругам сохранить приятельские отношения и принимать участие в воспитании дочери. Дальнейшее исследование проблемы предполагает проведение анализа на более широком материале, что даст возможность сделать обобщения. Отметим, что данная статья имеет постановочный характер и призвана актуализировать изучение подобных сюжетов.

Список литературы:

1. Буда С. Заслання Мик. Вас. Ковалевського (Ненадруковані стаття та листи М.В. Ковалевського) // За сто літ. Матеріали з громадського та літературного життя України XIX і початків XX століття / ред. акад. М. Грушевського. — Кн. 2. — К., — 1928. — С. 200—223.
2. Воспоминания Вл. Дебогорія-Мокриевича. Спб.: книгоиздательство «Свободный Трудъ», 1906. — 600 с.

3. Отдел рукописи Института рукописи Национальной библиотеки Украины имени В. И. Вернадского Национальной академии наук Украины (далее ОР ИР НБУ НАНУ). Ф. I. Д. 46880. Л. 9.
4. ОР ИР НБУ НАНУ. Ф. X. Д. 17146. Л. 3.
5. ОР ИР НБУ НАНУ. Ф. 208. Д. 19. Л. 2
6. ОР ИР НБУ НАНУ. Ф. 208. Д. 23. Л. 1.
7. ОР ИР НБУ НАНУ. Ф. 208. Д. 24. Л. 2.
8. ОР ИР НБУ НАНУ. Ф. 208. Д. 28. Л. 2.
9. ОР ИР НБУ НАНУ. Ф. 208. Д. 29. Л. 2.
10. ОР ИР НБУ НАНУ. Ф. 208. Д. 34. Л. 1.
11. Осмоловский Г.Ф. Карийская трагедия // Карийская трагедия 1889: воспоминания и материалы. М.: Государственное издательство Штербург, 1920. — с. 30—55.
12. Пиетров-Эннкер Б. «Новые люди» России: развитие женского движения от истоков до Октябрьской революции / Пер. с нем. М.: РГГУ, 2005. — 444 с.
13. Пономарева В.В. Хорошилова Л.Б. Мир русской женщины: воспитание, образование, судьба. XVIII — начало XX века. М.: ООО «ТИД Русское слово-РС», 2008. — 320 с.
14. Старицкий М. Повести и рассказы. К.: «Дніпро», 1986. — 436 с.